

Первая биография Франтишка Малевского

[Александр Федута. *Филомат в Империи: Документальная повесть о Франтишке Малевском*. Минск: Лимарнус, 2019. 464 с. (Библиотека «Наш XIX век»)]

«Бегал тут когда-то Адася, но уехал с родителями, и всякий слух о нем пропал», – отвечала некогда жительница Новогрудка на расспросы о Мицкевиче. Анекдот этот вспомнился журналисту лодзинской газеты «Русский голос» в связи с примадонной виленского музыкального театра «Лютня», которую в Польше считали безвестно пропавшей, а между тем, уехав в 1940 г. вглубь России, она стала в свое время довольно популярной артисткой советской эстрады Ниной Кульчицкой¹. Анекдот всплывает в памяти при чтении новой книги белорусского ученого Александра Федуты, тем более, что ее герой – друг того самого Адася и член тайных студенческих обществ в Виленском университете: они вместе были отправлены в ссылку, а потом женились на сестрах, а позже дочь Франтишка Малевского вышла замуж за сына Мицкевича. Жизнь Малевского до начала 1830-х годов довольно детально описывалась, но с отъездом Мицкевича из России подробности расплываются и затуманиваются, а во второй половине жизни бывшего филомата едва ли не «всякий слух о нем пропал».

Книга последовательно, шаг за шагом, описывает жизнь Малевского по архивным документам, опубликованным и неопубликованным дневникам, письмам, воспоминаниям, публикациям современной польской и русской печати, с привлечением трудов белорусских, литовских, польских, российских историков, а также работ Валентины Брио (Израиль) и Ричарда Уортмана (США). Детали биографии и учебы Малевского, данные о служебной деятельности его отца в Виленском университете, исповедальные показания по делу филоматов и другие сопутствующие процессу 1823–1824 гг. записки, письма, прошения извлечены из документов Литовского государственного исторического архива; сведения о перемещениях ссыльных участников тайных обществ обнаружены в Центральном государственном архиве г. Москвы. Служебные документы Малевского отысканы в Российском государственном исто-

¹ Путята, Г. 1958. Нина Николаевна Кульчицкая. *Русский голос*, 16 (59) (30 августа), 8.

рическом архиве (Санкт-Петербург) и Российском государственном архиве древних актов (Москва). Различные грани семейной жизни Малевских рассматриваются по опубликованному дневнику Елены Малевской, письмам Станислава Моравского супругам Малевским и документам Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга, рукописного отдела Музея литературы имени Адама Мицкевича (Варшава). Используются также материалы отделов рукописей Национальной библиотеки в Варшаве и Ягеллонской библиотеки в Кракове.

На вклейке репродуцированы портреты Франтишка Малевского (Валентий Ванькович), Шимона Малевского (Ян Дамель), Адама Мицкевича (Юзеф Олешкевич), Марии Шимановской (гравюра П. В. Бореля по портрету Олешкевича), фотографии героя книги разных лет, его семьи и семейного окружения. Иного рода иллюстрации – вплетенные в повествование отрывки стихотворных произведений, выражающие настроения покидавших родину ссыльных или отношение поляков к Новосильцеву и Александру I. Книга снабжена указателем имен – глухим в части цитируемых авторов и упоминаемых исследователей и аннотированным в части, если можно так выразиться, действующих лиц жизнеописания Франтишка Малевского и его эпохи.

В первых десяти главах – детство в семье профессора Главной виленской школы, преобразованной в императорский Виленский университет; общество филоматов, которое фактически возглавил Малевский, логикой юриста выведивший смысл филоматской его деятельности от морального и интеллектуального самосовершенствования к совершенствованию всей системы просвещения, откуда оставался шаг до социальных инноваций; знакомство с князем Чарторыйским в Варшаве и университет в Берлине, где Малевский слушал лекции знаменитого правоведа Савиньи, а о Гегеле писал отцу, что из его лекций только две-три мысли мог понять за целый час.

Для понимания происходящего дается представление об отношениях в семье Малевских и в царствующей фамилии, о взаимоотношениях между великим князем Константином Павловичем и сенатором Новосильцевым, о положении Виленского университета и ректора Шимона Малевского в переплетении внутриуниверситетских и внешних интересов, о причинах, не позволивших герою книги продолжить образование в Геттингене: власти опасались, как бы в соприкосновении с вольнодумным немецким студенчеством у выходцев из империи, особенно из не отличающихся особой лояльностью западных областей, не зародились преступные умыслы. Следствие в Вильно по делу тайных студенческих обществ застало Малевского в Берлине, где он был арестован по распоряжению Константина, вытребовавшего его к себе в Варшаву. Федута убедительно показывает, как увлеченный Шиллером, следуя образцу маркиза Позы, Малевский «раскрывает некоронованному правителю Царства Польского душу, веря в то, что тот способен его понять и поверить», искренне считая, что ничего предосудительного в деятельности филоматов и филаретов нет. Доказательная реконструкция воззрений Новосильцова показывает в его действиях рациональность высокопоставленного сановника, верно служившего государственным интересам так, как он их понимал, а не кровожадность полонофоба.

Малевский «стал частью легенды Мицкевича» и запомнился «потому, что он был рядом с Адамом». Мицкевич и Малевский оказались высланными в Одессу, потом перемещены в Москву. Но Малевский, в отличие от Мицкевича, избежал возведения на пьедестал и превращения в национального героя. Живой Адам, впрочем, не был бронзовым Пророком монументов и Гением, сплетенным из штампов, и ходил с Франтишком в итальянскую оперу. Живой Малевский снабжался прогонными деньгами и средствами на дорожные издержки до Одессы, потом до Москвы, о чем говорят скучные, казалось бы, бумаги, подписанные министром А. С. Шишковым или министром финансов Е. Ф. Канкриным. Переписка министров и их подчиненных, описание ситуации Малевского, за отсутствием вакансий без жалования усердно служившего в канцелярии московского генерал-губернатора и живущего только помощью отца, придают жизнеописанию бытовое измерение. Самым затейливым вышивкам необходима канва, и ее обнажают завещание бывшего ректора Шимона Малевского, подробно перечисляющего не только мебель, ковры, серебро, часы настенные и двое настольных, но и табакерки, новый геометрический штатив и микроскоп, следующие жене, дочерям или сыну, бюрократическая переписка о назначении пенсiona вдове и дочерям или письмо жены Малевского сестре с рассказом об успехах детей в языке и грамоте рядом с исчислениями семейных доходов и расходов: повар, две няньки, гувернантка, водовоз, прачка, судомойка, а летом детские башмачки обходятся от 30 до 40 рублей ассигнациями.

Трудясь без жалованья в канцелярии московского генерал-губернатора, Малевский о такой налаженной семейной жизни не мог и мечтать. Вскоре ему повезло: получил службу в столице империи, к тому же в двух места – при Литовской Метрике и прикомандированным ко II Отделению собственной его императорского величества канцелярии, занятому составлением свода законов западных губерний. Повезло Малевскому, пишет Федута, и в том, что «на своем жизненном пути он встретил много неординарных личностей». Он попал под начало Сперанского, его непосредственным начальником стал бывший профессор Виленского университета Данилович. Потом главноуправляющим II Отделения был граф Блудов, некогда участник «Арзамаса», а позднее председатель кабинета министров и государственного совета. В подчиненных Малевского по его же рекомендации с 1835 г. оказался коллежский асессор Семен Довконт, то есть отец литовской историографии Симонас Даукантас, однокашник Малевского по гимназии и университету. С 1862 г. II Отделение возглавил бывший лицеист и бывший директор Императорской публичной библиотеки Модест Корф. А вне служебного круга – общение с Николаем Полевым и не до конца проясненное участие в «Московском телеграфе», дружба с художником и видным масонским деятелем Юзефом Олешкевичем, композитором Станиславом Монюшко, известным мостостроителем Станиславом Кербедзем, партнерство с Осипом Пшецлавским в издании столичной польской газеты „Tygodnik Petersburgski“.

Вспыхнувшее в Варшаве в ноябре 1830 г. восстание вызвало подозрения касательно поляка, политического ссыльного, оказавшегося служащим в III департаменте Сената и прикомандированным ко II Отделению собственной его императорского

величества канцелярии; подозрения были рассеяны благодаря, между прочим, Сперанскому. Арест Малевского в 1831 г. длился не дольше двух недель и тоже остался без видимых последствий: во время эпидемии холеры умерла Мария Шимановская. Малевский вместе с братом знаменитой пианистки, чтобы увести детей от тела матери и уберечь от заразы, перевел их в квартиру в соседнем доме, хозяева которой были в отъезде. На фоне страхов и слухов о поляках-отравителях бдительный дворник донес полицейскому начальству, что дом генерала Гауке захватили поляки. Но обошлось, император даже соизволил повелеть вмененный Малевскому арест не вносить в формулярный список чиновника.

Спустя годы супруга действительного статского советника Малевского Елена, урожденная Шимановская, послала в Варшаву десяток литографированных портретов своей сестры Целины Мицкевич, урожденной Шимановской, с дочерьми для розыгрыша в благотворительной лотерее в пользу Мицкевича, а посылать пособия изгнанникам было запрещено. Отправленное в Варшаву письмо Малевской с экземпляром литографии шеф корпуса жандармов граф Орлов препроводил начальнику II Отделения собственной его императорского величества канцелярии графу Блудову. Дело и в этот раз завершилось благополучно: Блудов распорядился поставить Малевской «через мужа ея» на вид «неосторожность, неприличность и также даже противозаконность» действий, кои могут, впрочем, в известной степени «быть извинены, как чувством любви к сестре, так и незнанием законов, столь общим у нас, особенно между женщинами». Малевскому начальник сделал внушение «о обязанности его строго наблюдать за всеми поступками жены» (с. 325–327).

Большое место в книге занимают обширные выписки из писем, воспоминаний, публикаций печати и приводимые *in extenso* документы, в конце книги целиком репродуцирован формулярный список тайного советника Франциска Семеновича Малевского. Значительная часть документов целиком или в отрывках публикуется впервые; иные впервые являются в русских переводах, например, публиковавшиеся прежде эгодокументы филоматов. О жизни Малевского и ее житейских, политических, бюрократических обстоятельствах цитаты и документы говорят красноречивее некуда. А как иначе понять личность и эпоху? Документы вскрывают повседневность самодержавного правления бюрократическим государством. Например, автор биографии подсчитал, что имя его героя император в докладах управляющего II Отделением собственной его императорского величества канцелярии слышал не менее 230 раз, причем Николаю было доложено и о скарлатине первенца Малевского (с. 287, 347–348). Вовсе не по вниманию «не в меру сентиментального деспота»² к чиновникам и их семьям, а из соображений, чтобы болезнь «не сообщалась другим чиновникам» и не нарушила отлаженную работу служебного аппарата.

Федута напоминает письмо Петра Вяземского Жуковскому, рекомендующее Мицкевича: «Он прекрасная поэзия; товарищ его Малевский прекрасная проза»

² Лихачев, Д. С. 1971. Социальные корни типа Манилова. *Проблемы теории и истории литературы*. Сб. ст., посвящ. памяти проф. А. Н. Соколова. Москва: Издательство Московского университета, 301.

(с. 174). Трезвость и рассудительность свойственны характеру «главного эксперта по старому литовскому законодательству» (с. 335) и важному участнику сначала унификации правовых норм бывших литовских губерний, потом разработки законодательной базы реформ Александра II. Практичность героя книги не раз проявляется в самых разных эпизодах, в том числе и в его бесспорных заслугах в продвижении сочинений Мицкевича или позднейших хлопотах о том, чтобы дети поэта вступили в права наследства, в том числе и авторских прав, на территории империи. Преданный друг и хороший товарищ, Малевский настойчиво прилагал усилия, чтобы помочь сосланным друзьям литературными заработками. По своей должности метриканта при Литовской Метрике он «был хранителем памяти трех народов – польского, литовского и белорусского, а учитывая пересечения истории и пограничность территорий, то и русского, и украинского также» (с. 367). Вместе с тем герой книги Федуты был большим любителем музыки и примерным семьянином, для которого главное в жизни – дети.

Карьера благополучного чиновника, периодически жалуемого знаками беспорочной службы за выслугу лет и денежными выплатами «во внимании к отлично ревностной и полезной службе», лояльного кавалера орденов Св. Владимира, Св. Анны, Св. Станислава, тайного советника (чин третьего класса Табели о рангах) в купе со счастливой семьей не укладывались в парадигму романтизированной польской биографистики XIX века. Ей нужны были герои и мученики, беззаветные борцы и невинные страдалцы. Семья не может быть счастливой, личное счастье невозможно, если отчизну постигло несчастье. Главка «Личность как жертва историографии» хорошо объясняет и то, почему до Ноябрьского восстания 1830 года поляки на имперской службе не обвинялись в предательстве, и то, почему биограммы Франтишка Малевского были столь далеки до полноты и ясности.

«Документальная повесть» Александра Федуты восполняет зияние и становится в ряд монографических жизнеописаний Адама Мицкевича, Онуфрия Петрашкевича, Яна Чечота и некоторых других, отнюдь не всех, филоматов и филаретов, оставивших мало сказать заметный след в истории и культуре Литвы, Польши, Белоруссии, России. Историк, историк литературы, исследователь повседневной жизни российского чиновничества и русско-польских отношений найдет в книге полезные для себя сведения или свежий взгляд на устоявшиеся представления. «Филомат в Империи» способен привлечь и любителя, интересующегося незаурядными уроженцами былого Великого княжества Литовского, событиями и поляками в Санкт-Петербурге. Книга побуждает еще раз задуматься о феномене культурного пограничья и множественной идентичности. И, как всякая хорошо написанная биография, книга самим отбором фактов и выстраиваемыми связями между ними придает жизни Франтишка Малевского ценность и представляет ее как имеющую смысл. А это неизбежно поворачивает читателя к самому себе, к своим жизненным целям и смыслу своей жизни.

Павел Лавринец